МАСС-МЕДИА В ФОКУСЕ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ И МЕДИАКРИТИКИ

Сергей Григорьевич КОРКОНОСЕНКО

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье предлагается сделать более объемной и релевантной методологию анализа состояния и перспектив развития современной журналистики. В настоящее время в ней чаще используется реляционный подход, ориентированный на отношения журналистики с внешними средами и партнерами. Субстанциональный подход дает возможность учитывать свойства журналистики как целостного феномена, который сохраняет свою сущность при изменении условий и форм существования.

Ключевые слова: *современная журналистика, методология анализа, реляционный подход, субстанциональный подход.*

Sergey G. KORKONOSENKO

SUBSTANTIVE APPROACH TO UNDERSTANDING CONTEMPORARY JOURNALISM

The article proposes to make the methodology of the contemporary journalism state and prospects analyzing wider and more relevant. Currently, a relational approach is more popular, which is focused on the relationship of journalism with external environments and partners. The substantive approach allows taking into account the properties of journalism as a holistic phenomenon that maintains its own essence while changing the conditions and forms of existence.

Key words: *contemporary journalism, methodology of analyzing, relational approach, substantive approach.*

Введение. Для исследователей и практиков журналистики привычными стали заявления о ее кризисе и скором исчезновении из общественного оборота. «Конец журнализма» [Конец журнализма 2016] – так называется объемный труд британских экспертов (впрочем, из содержания глав следуют прямо противоположные выводы). «Журналистика в кризисе: пришло время помощи от государства» [Journalism in crisis 2009] – так озаглавлен аналитический обзор публикаций американских социологов. Это лишь две ссылки, но не приходится сомневаться, что подобные мрачные диагнозы снова и снова будут звучать в научных и профессиональных кругах.

Мы не ставим перед собой задачу найти однозначное разрешение столь болезненной и многомерной проблемы. Цель статьи заключается в рассмотрении теоретических подходов к анализу состояния и будущего журналистики, а именно в выявлении продуктивности субстанционального подхода. Он используется в научной методологии как один из основных при изучении крупных социальных явлений. Так, в политологии принято

выделять следующие концептуальные подходы к интерпретации политической власти: атрибутивно-субстанциональные, трактующие власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта, а то и просто как самодостаточный «предмет» или «вещь», и реляционные, описывающие власть как социальное отношение или взаимодействие [Конева 2016: 49], как порядок отношений, образуемых взаимодействующими объектами. Причем в контексте социальных наук высказывается мнение, что «идея применения субстанции в социальной сфере очень заманчива. Эта категория позволяет сконцентрировать внимание на различных аспектах изменчивости и увеличить наши прогностические возможности». И в продолжение: «Гносеологический и методологический кризис прогнозирования стимулирует поиск новых идей и направлений. Для расширения категориального и теоретического поля социального прогнозирования можно обратиться к таким понятиям, как субстанция, дуализм и рационализм. Понятие субстанции применимо в качестве методологического приема…» [Васильев 2007: 22, 28].

Постановка проблемы. Как представляется, в размышлениях о журналистике отечественные ученые избирают главным образом реляционную методологию, то есть соотносят ее перспективы с отношениями, которые складываются у нее с различного рода внешними средами и субъектами. При этом на первые места выдвигаются социальные связи прессы. Вот тому типичный пример: «работа журналистики в ее нормативной парадигме, в качестве социальной службы – дело как раз сугубо практическое, связанное с обеспечением нашего общества большим количеством жизненно важных благ» [Иваницкий 2015: 30]. Спору нет, трактовка миссии журналистики в свете общественного служения закреплена в международно признанных деонтологических кодексах и фундаментальных теоретических трудах. Соответственно, аргументы автора, выступающего за возрождение в России журналистики высокого гражданского долга, заслуживают одобрения и поддержки. Однако нельзя не заметить, что здесь в центр внимания вынесен вопрос *для чего?*, тогда как начальными должны быть вопросы *какая?* и *что из себя представляет?*.

Подобные логические противоречия возникают и при знакомстве с утверждением, что «функционирование журналистики представляет собой базовый процесс реализации ее общественных функций, протекающий в виде целенаправленного взаимодействия со средой», тем более с таким дополнением: «особо значимыми… для журналистики оказываются два социальных субъекта – *государственная власть*… и *аудитория*, а точнее – совокупная потенциальная аудитория» [Журналистика в информационном поле России 2018: 15]. В цитируемых высказываниях не просто отражен реляционный способ понимания журналистики, но еще и предложена его социологизаторская версия, за пределами которой остаются рассмотрение журналистики как самоценного феномена и данности. Нам представляется верной другая позиция: «Журналистику… изменяет само общество, изменяет само время… Однако нужно отказаться от соблазна видеть в изменениях журналистики, происходящих под воздействием общественных процессов, закон прямого действия: что произошло с обществом, то и случилось с журналистикой. Все это далеко от реальности – разные

субстанции, подчиняясь общим законам, обладают при этом разными закономерностями бытия» [Сидоров 2006: 68].

Повторим: мы не спорим с цитированными выше специалистами по сути, но предлагаем придать необходимую объемность методологической базе анализа. Это могло бы стать ответом на призыв, который сегодня настойчиво звучит в литературе: «перед теорией журналистики стоит задача более глубокого изучения… проблем *целостности* журналистики, того единого интегративного результата ее функционирования как системного объекта, на достижение которого направлено функционирование всех ее частей» [Демина 2016: 564].

На наш взгляд, следует прислушаться к голосам тех философов, кто напоминает о том, что, во-первых, «субстанция явления есть то, без чего данное явление не может существовать» и, во-вторых, что «без субстанции явления нельзя определить существование явления, выделить его среди других явлений, а значит, и начать его исследование» [Афанасьев 2010]. Субстанциональные характеристики (сущность) журналистики – сначала, как потенциал действия и взаимодействий с внешними средами, а функционирование – потом, как производное от потенциала и его раскрытие. Тогда, в частности, появится прочная объяснительная основа под фундаментальным тезисом, с которым мы полностью согласны: «Рыночная среда, коммерческая… не то чтобы противопоказана для журналистики, для нее она просто смертельна на уровне биологическом. Рынок – не ее пространство жизни, а территория PR, GR, advertorial, маркетинговых, других технологий, использующих каналы массовых коммуникаций в конечном итоге исключительно в интересах капитала» [Иваницкий 2015: 29].

В противном случае неизбежными будут всякого рода конъюнктурные зависимости от интересов и влияний сторонних субъектов, включая государство, политическую элиту, бизнес, неразвитую аудиторию с ее неустойчивыми запросами и т. д. Речь не идет о пагубности взаимодействия с институциональными и частными партнерами, оно предполагается условиями и характером функционирования журналистики. Речь о том, чтобы журналистика сохраняла свою качественную определенность и чтобы именно сущностно (природно) присущие ей свойства извлекались и использовались партнерами в деловом взаимодействии.

Особого рода зависимость от внешней среды существует в организационно-технологической области. И в традиционной редакционной практике, и в осмысливающем ее научном сознании утвердилась инерция восприятия журналистики как содержательного наполнения СМИ (или медиа, в соответствии с новомодной терминологией). Растущая на глазах миграция журналистов и их труда в новые среды обитания – прежде всего на сетевые ресурсы – добавляет опасений насчет «исчезновения» профессии. Объект теории очевидным образом изменился, сформировавшееся прежде теоретическое знание не отвечает новой реальности и подлежит пересмотру. К такому заключению некоторых авторов приводит анализ научных публикаций, посвященных цифровизации медийной индустрии. По их наблюдениям, наблюдается переход от обсуждения симптомов кризиса

журналистики к фундаментальным вопросам о ее сущности. Они полагают, что «философского рассмотрения цифровой журналистики все еще не хватает. Мы считаем, что это белое пятно в изучении не только данной специальной темы, но и журналистики в целом. Для решения фундаментальных вопросов, касающихся сущности журналистики, журналистские исследования должны в большей степени опираться на такие дисциплины, как этика, онтология и эпистемология. Они освобождают исследователей от изучения журналистики только лишь в институциональном аспекте» [Steensen 2015: 15].

Собственно, этим целям как раз и служит субстанциональный подход. Странно и противоестественно было бы отрицать технологический прорыв в индустрии, как и плодотворность движения в теории. Однако есть ли основания утверждать, что журналистика переменилась в своей сути? Вот в чем коренной вопрос.

Дискуссия. Субстанциональный подход не просто допускает, а предполагает изменения на уровне явления – в формах, свойствах, состояниях. Что, несомненно, происходит с новейшей журналистикой, в том числе покинувшей лоно традиционных СМИ – газет, радио- и телевещательных компаний и т. п. Однако сохраняется некое смысловое ядро, без которого журналистика перестала бы быть таковой. Парадоксальным образом здесь мы находим союзника в лице П. Бурдье. Он не разделял научную идеологию субстанционализма, но подчеркивал автономность поля журналистики и утверждал, что «невозможно понять все, что происходит в поле, опираясь лишь на знание внешнего контекста: чтобы понять, что происходит в журналистике, недостаточно знать, кто финансирует, кто является рекламодателем, кто платит за рекламу, откуда идут субсидии и так далее. Некоторые события, происходящие в мире журналистики, можно понять, лишь рассматривая этот микрокосм как таковой и стараясь понять воздействия, которые оказывают друг на друга люди, вовлеченные в этот универсум» [Бурдьё 2002: 114]. У Бурдье акцент делается на субъективных взаимосвязях между агентами поля и их эгоистическом стремлении к монополизации капитала власти. Тем не менее явно выделены особость и целостность мира журналистики («микрокосм как таковой»). В других оценочных параметрах и гораздо полнее, но тоже с точки зрения сложного внутреннего единства показывает журналистику современный историк прессы: «Журналистика, однако, это -изм, то есть система представлений. Эта система представлений… является исторически сформировавшейся конструкцией, собранием всевозможных идеалов, импульсов и аксиом, в которой есть ощущение неизменности во времени, но которая меняется с каждым поколением…» [Nerone 2017: 205]. В этом не лишенном патетики описании улавливаются не только академическая искушенность, но и включенность в мир профессии с его непреходящим своеобразием и цельностью.

По логике анализа, далее требуется представить субстанциональное ядро журналистики, что фактически равноценно формулированию научного определения данного вида общественной практики. Мы не берем на себя смелость сделать это. Судя по тому, что в мировой и российской литературе предпринимались бесчисленные попытки дать определение журналистики

(ссылки на прецеденты заняли бы слишком много полезного места), задача не предполагает однозначного решения. В наших силах найти путь, который приближает к пониманию сущности. На этом пути прежде всего нужно обойти стороной неоправданные отождествления журналистики с другими, по Бурдье, полями. О природной несовместимости журналистики и бизнеса выше уже говорилось. Добавим некорректность популярного ныне уравнивания журналистики и медиа, что надо расценивать как гипертрофированное превознесение коммуникативности и технологичности. Отдельной критики заслуживает растиражированное в словарях и учебниках определение журналистики как деятельности по сбору и распространению актуальной информации. В нем слышится дальнее эхо 1960-х годов, когда пришло массовое увлечение гуманитариев кибернетическими идеями, повлекшее за собой экспансию прикладной социологии с прагматическим уклоном на американский лад. Но с тех пор мировая наука пережила несколько циклов концептуального обновления и преодоления былой унификации. Европейские обозреватели датируют так называемый социологический поворот в исследовании журналистики 1970–1980-ми годами, а в 1990-х происходит глобально-сравнительный поворот, основанный на интернационализации проектов и обогащении спектра воззрений благодаря вовлечению в сотрудничество самобытных национальных исследовательских школ. «Несмотря на дальнейшее развитие глобализации, исследование журналистики по-прежнему является чрезвычайно многообразной сферой научной деятельности. В глубине своей это разнообразие было сформировано различными национальными традициями» [Wahl-Jorgensen 2009: 7], – заявляют авторы. Есть серьезные основания под утверждением, что «интуиции и аналитическая работа исследователей разных стран, ощущающих особость национальной журналистики и ее невписываемость в каноны либеральной модели, могут служить для российских медиаисследователей достаточным основанием в теоретизировании на национальной (русскоязычной) почве» [Загидуллина 2015: 66].

Если вернуться к информационно-социологической трактовке журналистского дела, то ее недостаточность видна уже в том, что подобным образом ведут себя многочисленные другие агенты – от социологов-эмпириков до блогеров – антиподов профессиональных журналистов. Для проникновения в суть явления важен не столько акт обработки данных, сколько содержание деятельности, выраженное в отношении к действительности. В эпистемологическом измерении речь должна идти об отражении. Однако и это лишь самая общая характеристика, потому что соль вопроса заключается в том, каковы качественные особенности отражения. В предыдущих публикациях мы предложили обобщить эти специфические черты в понятии жизнеподобия журналистики – хотя бы в силу ее документальной основы, обостренной злободневности, предметности и узнаваемости форм представления реального мира, проникновения во все области социального бытия в тематическом измерении с фокусированием внимания на повседневности [Корконосенко 2009: 42–43]. Сходные атрибуты взаимодействия прессы с бытием общества и человека отмечают и

другие исследователи: «Ее роль в познании актуальной изменчивости действительности огромна, она не осуществляет теоретическое, художественное освоение мира, ее предмет – жизненная повседневная практика, текущая изменчивость, наблюдаемая в актуальных явлениях действительности» [Шкондин 2016: 178.]. Рассуждения в предлагаемой системе координат точно перекликаются с профессиональными стандартами журналистики, в которых центральные позиции отводятся достоверности, точности, оперативности как стремлению поспеть за событийной изменчивостью жизни и др.

Мы взяли для предметного рассмотрения только одну сферу существования журналистики – бытийную, первоосновную. Однако нельзя исключать из анализа иные среды, и в них тоже найдут проявление ее субстанциональные атрибуты. Так, согласно социально-ролевой концепции прессы, журналистика одновременно и относительно автономно пребывает в нескольких социетальных системах, своим поведением отвечая на типичные для каждой из них ролевые ожидания. Говоря конкретнее, в социальной сфере она играет прежде всего информационно-коммуникативную роль, в политико-управленческой – регулирующую, в духовной – духовно-идеологическую и т. д. [Корконосенко 2015: 150–170]. В профессионально-деятельностном поле она предоставляет работникам возможность самовыражения, саморазвития и самореализации; в гражданском измерении она являет собой одну из форм осуществления демократии – и этот ряд соответствий можно было бы продолжать. Он нас занимает не сам по себе, а как стимул для вывода о полисубстанциональном характере журналистики. При том, однако, условии, что субстанции находятся в иерархической связи между собой и сущности второго порядка подчиняются генеральной субстанции, определенной нами как жизнеподобие журналистики. Стоит лишить прессу этого базового качества, как ее проявления в тех или иных системах примут искаженный облик и обесценятся.

Заключение. Проведенный анализ дает основание для формулирования нескольких немаловажных, как хочется думать, методологических положений. Во-первых, возникает дополнительная ясность в понимании объекта теории журналистики и открываются дополнительные перспективы его изучения. Во-вторых, подтверждаются возможность и необходимость изменений на явленческом уровне, включая динамику содержания и форм, сред бытования и функционирования, способы взаимодействия и контаминации с другими крупными феноменами – искусством, наукой, экономикой, технологиями и др. В-третьих, в данной связи, при оценке состояния и прогнозировании путей эволюции журналистики мы исходим из сохранения ее субстанциональной целостности, несмотря на подвижность проявлений.

Список литературы:

Афанасьев Г.П. Субстанциализм – теоретическое начало эры цивилизации // Науч. форум «Философия». 2010. 8 янв. http://www.newtheory.ru/philosophy/substancializm-teoreticheskoe-nachalo-eri-civilizacii-t246.html.

Бурдьё П. О телевидении и журналистике: пер. с фр. М., 2002.

Васильев Я.Ю. Субстанциональный подход в методологии социального прогнозирования // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 22, 28. С. 20–28.

Демина И.Н., Шкондин М.В. Журналистика: слагаемые целостности // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 4. С. 562–575. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).

Журналистика в информационном поле России: должное и реальное / под ред. Г. В. Лазутиной. М., 2018. С. 15.

Загидуллина М.В. Теория журналистики: к вопросу об индигенизации отечественных медиа-исследований // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. 1 (15). С. 64–73.

Иваницкий В.Л. Журналистика как общественное благо, благо опекаемое // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 6. С. 27–49.

Конева Н.С., Окулич И.П. Публичная власть и свойство публичности // Изв. высш. учеб. заведений. Уральский регион. 2016. № 3. С. 46–51.

Конец журнализма. Version 2.0. Индустрия, технология и политика: пер. с англ. / под ред. А. Чарльза. Харьков, 2016.

Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М., 2015.

Корконосенко С.Г. Сущность журналистики, открытая пониманию и неподвластная схеме // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 2. С. 31–50.

Сидоров В.А. Эволюция, динамика или метаморфоза? // Журналистика и социология'2005. Социальная эволюция журналистской профессии / ред.-сост. И.Н. Блохин. СПб., 2006. С. 66–74.

Шкондин М.В. Журналистика как интеллектуальная система: аспекты целостности // Изв. Иркутск. гос. экономич. академии. 2016. Т. 26, № 2. С. 175–182. DOI: 10.17150/1993-3541. 2016. 26(2).

Journalism in crisis: Time for a government bailout // eprints.lse.ac.uk. 2009. March 21. URL: blogs.lse.ac.uk/polis/2009/03/21/journalism-in-crisis-time-for-a-government-bailout/.

Nerone J. What's new about truth // Russian Journal of Communication. 2017. Vol. 9, No 2. P. 203–206. DOI: 10.1080/19409419.2017.1323179.

Steensen S., Ahva L. Theories of journalism in a digital age // Journalism Practice. 2015. Vol. 9, No 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/17512786.2014.928454.

Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch Th. Introduction: On why and how we should do journalism studies // The handbook of journalism studies / ed. by K. Wahl-Jorgensen, Th. Hanitzsch. New York; London, 2009. P. 3–16.

Корконосенко Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), sk401@mail.ru

.